

Подполковникъ Трисненко.

ПЕРВАЯ ПЛЕВНА
И
19-й ПѢХОТНЫЙ
КОСТРОМСКОЙ ПОЛКЪ
ВЪ
РУССКО-ТУРЕЦКУЮ ВОЙНУ
1877—1878 года.

С.-Петербургъ.

Экономич. Типо-литографія, Вас. Остр., 13 л., Пюотранный пер., д № 4.

1900.

Подполковникъ Трисненко.

ПЕРВАЯ ПЛЕВНА

И

19-й ПѢХОТНЫЙ

КОСТРОМСКОЙ ПОЛКЪ

ВЪ

РУССКО-ТУРЕЦКУЮ ВОЙНУ

1877—1878 года.

С.-Петербургъ.

Экономич. Типо-литографія, Вас. Остр., 13 л., Пюстрианный пер., в № 1.

1900.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 4 Юня 1900.

Предисловіе.

Рядъ статей, появившихся въ военной литературѣ за послѣднее время, по поводу возникновенія Плевны, свидѣтельствуетъ о томъ, что вопросъ этотъ, какъ имѣвшій большое значеніе на ходъ кампаніи 1877—78 годовъ, продолжаетъ еще и теперь интересовать военныхъ писателей.

Такіе выдающіеся таланты, какъ генераль Воронъ въ своей статьѣ, помѣщенной въ „Военномъ Сборникѣ“ за нынѣшній годъ, полковникъ Мартыновъ въ брошюрѣ „какъ возникла Плевна“ и другіе писатели, хотя и выяснили въ достаточной степени операціи первой Плевны, но несомнѣннымъ является все-таки тотъ фактъ, что нѣкоторыя подробности, имѣвшія связь какъ съ общимъ положеніемъ дѣлъ подъ Плевной, такъ равно и касавшіяся частной стороны отдѣльныхъ частей войскъ.—выпущены, за немнѣніемъ, вѣроятно, матеріаловъ.

Въ виду сего, я какъ очевидецъ Плевненскаго боя 8 іюля и свидѣтель предшествовавшихъ этому бою событій, беру на себя, въ интересахъ истины, смѣлость представить свои замѣтки (воспоминанія) о первой Плевнѣ на разсмотрѣніе и судъ читателей, прося благосклоннаго ихъ снисхожденія къ своему первому литературному труду. Приэтомъ позволяю себѣ сдѣлать оговорку что одна изъ главныхъ побудительныхъ причинъ моего разсказа о Плевнѣ есть та, чтобы путемъ печати внести правдивую страницу въ лѣтопись родного мнѣ Костромскаго полка.

Авторъ.

ПЕРВАЯ ПЛЕВНА

И

19-й ПѢХ. ЮСТРОМСКОЙ ПОЛКЪ.

Имѣя цѣлью не утруждать вниманія случайнаго читателя, начинаю разсказъ со знаменательнаго для полка дня, дня полковаго праздника 29 іюня. Дѣлаю это потому, что съ этого времени, какъ ближайшаго ко дню важнаго событія 8-го іюля, составляющаго предметъ моего разсказа, пробуждалась иная, такъ сказать, нервная жизнь полка, когда стало замѣтно, что пульсъ его бьется уже не прежнимъ ровнымъ ударомъ, а застучалъ тревожнымъ, смѣлымъ порывомъ энергіи, какъ признакъ готовности безропотно отдать свою могучую силу на служеніе Престолу и Родинѣ.

Радостный день полковаго праздника 29 іюня былъ проведенъ скромно на бивакѣ у д. Пятикладенцы. Настроеніе офицеровъ и солдатъ не оставляло желать ничего лучшаго: веселія лица, шутки и желаніе скорой встрѣчи съ непріятелемъ были неподдѣльны. Не замѣчалось ни у кого: ни гнетущаго душевнаго состоянія, какъ признака роковаго предчувствія, ни излишняго бравированія, ни особой болтливости. Даже какъ-бы отсутствовали обычные любители праздничныхъ увлеченій. Въ общемъ получался отпечатокъ чего-то серьезнаго и какой-то восторженности, не переливавшихся черезъ край.

Въ полдень 30 іюня полкъ выступилъ въ д. Болгарени, откуда, послѣ двухчасоваго отдыха, продолжалъ движеніе къ д. Турскому-Трестянику, куда и прибылъ на разсвѣтъ 1-го іюля. Ночной маршъ по незнакомымъ, мало удобнымъ дорогамъ, по всхолмленной мѣстности, оказался утомительнымъ. На бивакѣ у Турскаго Трестяника къ полку присоединилась 5-я батарея 31-й артиллерійской бригады, взамѣнъ откомандированной 6-й батареи 5-й артиллерійской бригады и казачій Кавказской бригады дивизионъ, при-

бывшій къ означенному пункту раньше полка. Составленный, такимъ образомъ, небольшой отрядъ изъ 2-хъ баталіоновъ *), 8-ми орудій и 2-хъ сотенъ казаковъ, подъ общимъ начальствомъ полковника Клейнгауза, предназначенъ былъ охранять тылъ 9-го корпуса, опперировавшаго подъ кр. Никополь. Первые четыре дня стоянки, въ періодъ съ 1-го по 5-е іюля у д. Турскій Трестяникъ, были скучными и однообразными; ничто не напоминало о непріятелѣ, котораго еще никто изъ нашего полка не видѣлъ. Принятія мѣры охраненія по уставу полевой службы (цѣпи парныхъ часовыхъ, караулы и дежурныя части) казались ненужными: все было спокойно.

Несмотря на казавшуюся излишней осторожность по отношенію къ неопасному сонному врагу, роты несли сторожевую службу удовлетворительно (не могу сказать, чтобы образцово). Было два случая, когда, кромѣ бивачныхъ карауловъ, сторожевая цѣпь не выставлялась.

Нужно полагать, что тѣмъ же пренебреженіемъ къ врагу были увлечены и двѣ сотни казаковъ. Говорю такъ потому, что были къ тому всѣ признаки: казаки помѣстились очень удобно въ отдѣльномъ, огороженномъ со всѣхъ сторонъ, дворѣ, посылая изрѣдка и, вѣроятно, на небольшое разстояніе, разъѣзды, не открывшіе присутствія непріятеля, пробиравшагося, какъ оказалось впоследствии изъ кр. Никополя въ г. Плевну отдѣльными партіями въ теченіи предпоследнихъ двухъ дней 4-го и 5-го іюля. Это подтверждается тѣмъ, что когда команда конныхъ фуражировъ нашего полка, отправилась въ полдень въ ближайшую деревню, то встрѣтилась тамъ съ небольшой партіей регулярной турецкой пѣхоты, очевидно отдыхавшей. Испуганные фуражиры вразсыпную прискакали на бивакъ, объявивъ о видѣнномъ ими.

Поднятый по тревогѣ полкъ двинулся въ указанномъ направленіи, но турокъ не догналъ — они ушли, вѣроятно, напуганные, въ свою очередь, неожиданной встрѣчей съ фуражирами. Казаки наши, отправившіеся на розыски турецкой пѣхоты, также не открыли слѣдовъ ея. По показаніямъ же болгаръ много непріятельскихъ партій, состоявшихъ исключительно изъ пѣхоты, про-

---

*) 3-й баталіонъ оставленъ былъ въ дер. Болгарени прикрывать 13-й артиллерійскій летучій паркъ.

шло черезъ ближайшія деревни въ Плевну, особенно въ ночь съ 4-го по 5-е іюля.

Очевидно, то были части Никопольскаго гарнизона, успѣвшія во время сдачи этой крѣпости прорваться на дорогу вдоль праваго берега Дуная. Эпизодъ этотъ оживилъ нѣсколько однообразную стоянку отряда и пробудилъ въ нашей конницѣ нѣкоторую дѣятельность, выразившуюся въ томъ, что передъ нашими глазами чаще стали маячить папахи казачьихъ разъѣздовъ.

Никакихъ свѣдѣній о плевненскомъ гарнизонѣ мы не имѣли и даже о паденіи кр. Никополя узнали случайно отъ жителей болгаръ. Достоверное извѣстіе объ участіи Никополя мы получили лишь 6-го іюля отъ офицера, который былъ командированъ полкомъ того же 6-го іюля съ приказаніемъ, разыскать штабъ дивизіи и доложить начальнику дивизіи о немѣніи въ полку провіанта.

Выѣхавшій на разсвѣтъ указаннаго дня, поручикъ П., въ сопровожденіи 4-хъ казаковъ, которыхъ съ трудомъ добыли въ казачьемъ дивизионѣ, несмотря на двукратное приказаніе начальника отряда (командиръ дивизиона ставилъ причиной отказа, дать конвой, чрезмѣрное утомленіе казаковъ), направился по дорогѣ на д. Вербицу, м. Бресляница и далѣе на д. Мысылеу на р. Осмѣ.

Поручикъ П., по пути слѣдованія въ штабъ дивизіи, собралъ свѣдѣнія о силѣ плевненскаго гарнизона, исчисляемаго мѣстными жителями, приблизительно, въ 6 тысячъ, о чемъ и доложилъ начальнику дивизіи на бивакѣ у д. Джурно-село, вблизи р. Осмы, подъ Никополемъ.

Послѣ обычныхъ разспросовъ о стоянкѣ полка и „что новаго“, офицеръ этотъ былъ отправленъ въ кр. Никополь съ приказаніемъ явиться въ корпусный штабъ и, получивъ оттуда спѣшный пакетъ, поручикъ П. возвратился обратно въ штабъ дивизіи. Пакетъ, адресованный начальнику дивизіи, заключалъ въ себѣ распоряженія для предстоящаго на 7-е іюля движенія и атаки г. Плевно.

По полученіи отъ начальника дивизіи нѣкоторыхъ указаній, касающихся передвиженія полка на 6-е іюля и запечатанный пакетъ для врученія командиру полка, — поручикъ П. выѣхалъ въ три часа дня обратно къ мѣсту бивака полка, куда и прибылъ около 7¹/₂ час. вечера того же дня. Въ исполненіе полученнаго приказанія, нашъ отрядъ долженъ былъ немедленно выступить

къ д. Парадимъ, что у Шлевно — Русшукскаго шоссе, притянувъ къ себѣ изъ дер. Болгарени 3-й баталіонъ, прикрывавшій 13-й летучій артиллерійскій паркъ.

Собравшись по тревогѣ отрядъ, въ 8-мъ час. вечера, въ сопровожденіи проводниковъ, выступилъ и въ 2 часа ночи прибылъ къ д. Парадимъ, куда съ разсвѣтомъ пришелъ и нашъ 3-й баталіонъ.

Отрядъ бездѣйствовалъ у дер. Парадимъ до 12 час. дня 7-го іюля. Это было вызвано, очевидно, тѣмъ, что для одновременной атаки, назначенной на 7-е іюля, нужно было выждать подхода 17-го Архангелогородскаго и 18-го Вологодскаго полковъ, которымъ надлежало сдѣлать большой переходъ изъ пунктовъ ихъ биваковъ, находившихся у дд. Градешти и Шамли.

Въ 12 часовъ дня нашъ отрядъ снялся и въ 3 часа пополудни прибылъ въ дер. Сталунца (Сгалевицы), гдѣ на возвышенномъ плато, имѣя деревню въ тылу, а передъ фронтомъ глубокую, съ пологимъ противоположнымъ берегомъ, балку, началъ располагаться бивакомъ. Не успѣли солдаты раскинуть свои палатки (около 3½ час. пополудни), какъ на горизонтѣ противоположной стороны балки, т. е. со стороны фронта бивака, начали показываться всадники въ папахъ, сначала въ количествѣ 10—15 человекъ, а затѣмъ, минутъ пять спустя, число ихъ увеличилось до 50—60 чел. Принимая ихъ за своихъ казаковъ, наши офицеры, составившіе случайно группу впереди бивака, наблюдали въ бинокли и любовались лихой скачкой граціозныхъ всадниковъ, разсыпавшихся по полю на большое разстояніе. Скоро послышались выстрѣлы, а глазъ сталъ ясно различать перебѣганіе какихъ-то людей между копнами сложеннаго въ полѣ хлѣба. Но намъ все казалось, что это джигитуютъ разѣзды нашихъ казаковъ, у которыхъ, вѣроятно, проснулся дикій, какъ ихъ природа, духъ неудержимой свободы и забушевала кровь вольныхъ сыновъ Кавказа. Да и странно было бы предположить, чтобы въ виду внушительнаго отряда, въ разстояніи какихъ-нибудь 300—400 сажень, непріятельская конница, обыкновенно трусливая, позволила бы себѣ подобную дерзость и притомъ на глазахъ нашей конницы, стоявшей спокойно позади батареи, не въ конномъ строю.

Но невѣроятное оказалось возможнымъ: то были башибузуки и черкесы. Слышанные же нами выстрѣлы и бѣготня людей ме-

жду копнами скошеннаго хлѣба была звѣрская расправа надъ болгарами хлѣбопашцами. Покончивъ съ ними, черкесы бросились къ нашему биваку, остановились въ шагахъ 800-хъ и, разсыпавшись по опушкѣ рѣдкаго кустарника, открыли съ коней пальбу. Только тогда, когда надъ головами своими услышали свистъ первыхъ пуль, мы убѣдились въ своей ошибкѣ. Вызванная начальникомъ отряда, полковникомъ Клейнгаузомъ, 2-я стрѣлковая рота, продвинувшись шаговъ на 300 отъ бивака, разсыпалась по скату и открыла огонь. Черкесы продолжали перестрѣлку, ранивъ одну лошадь казака, находившагося посыльнымъ при командирѣ 3-й линейной роты, который велъ свою роту на аванпосты. 2-я стрѣлковая рота, начавшая наступленіе, не могла скоро перебраться по дну балки, покрытой густой колючею зарослью. Обидно было видѣть свое безсиліе отогнать отъ бивака назойливыхъ храбрыхъ джигитовъ, успѣвшихъ, конечно, высмотрѣть все, что требовалось для военныхъ цѣлей. Подобный смѣлый налетъ горсти всадниковъ можно считать рѣдкимъ образцомъ развѣдки. Но минуты гнетущаго состоянія продолжались, а конница наша по прежнему держала лошадей въ поводу. Вывелъ лишь насъ изъ затрудненія командиръ батареи, полковникъ Съдлецкій, приславъ спросить начальника отряда: будетъ ли выдано свидѣтельство на выпущенные снаряды и, получивъ утвердительный отвѣтъ, открылъ огонь изъ батареи. Послѣ перваго же выстрѣла черкесы разсыпались и умчались. Когда фигуры ихъ приняли видъ точекъ, то обѣ наши сотни отпратились преслѣдовать врага спокойнымъ неторопливымъ аллюромъ. Спустя 35 → 40 минутъ, казаки благополучно вернулись (стрѣльбы не было слышно) съ извѣщеніемъ, что преслѣдованіе они вели до тѣхъ поръ, пока не наткнулись у дер. Гривица на пѣхотный бивакъ турокъ. Принимая въ расчетъ видѣнную нами быстроту движенія сотенъ и время пробѣга (35 — 40 минутъ въ оба конца) нужно полагать, что усмотрѣнный ими турецкій бивакъ долженъ былъ находиться отъ насъ не далѣе 4 — 5 верстъ; между тѣмъ, на другой день, при слѣдованіи отряда на дер. Гривица (8 верстъ отъ дер. Сгалунца) къ Плевнѣ, вгдѣ не было замѣчено слѣдовъ бывшаго бивака, и сего безусловно не было на пространствѣ между дд. Сгалунца и Гривица, что подтверждали и жители болгары. Сказанное подтверждается, до нѣкоторой степени, и свѣдѣніями по турецкимъ источникамъ, изъ которыхъ можно

сдѣлать предположеніе, что въ то время, когда производилась развѣдка нашей конницей 7-го іюля, у д. Гривица стоялъ небольшой турецкій отрядъ, всего лишь баталіонъ съ артиллеріей и кавалеріей ¹⁾, и притомъ отрядъ этотъ расположенъ былъ, нужно думать, въ западномъ или же въ сѣверо-западномъ направленіи отъ вышеуказанной деревни, т. е. значить не на линіи ея, такъ какъ иначе онъ очутился бы внѣ своихъ аванпостовъ, которые стояли у турокъ 7-го іюля на высотѣ Іосгадскаго укрѣпленія ²⁾ и только вечеромъ того же дня означенный отрядъ былъ усиленъ тремя баталіонами съ артиллеріей, не считая при этомъ двухъ баталіоновъ, назначенныхъ на сторожевые посты ³⁾.

Если на основаніи изложеннаго предположить, что турецкій отрядъ находился 7-го іюля не на линіи восточной окраины дер. Гривицы, а нѣсколько сзади, то, слѣдовательно, оба отряда: нашъ— у Сгалунцы и турецкій— у Гривицы, были раздѣлены почти девятиверстнымъ разстояніемъ. Слѣдовательно, сколько нужно было времени, чтобы сдѣлать основательную развѣдку, — ставлю вопросъ. Приведенное мною разстояніе, между дер. Сгалунца и тѣмъ пунктомъ, гдѣ по расчету могъ находиться турецкій отрядъ 7-го іюля, взято много съ плана окрестностей гор. Плевны, приложенному къ соч. Куропаткина „Ловча—Плевна“. Если описанное столкновение—перестрѣлка съ черкесами и преслѣдованіе ихъ нашей конницей можно считать развѣдкой, то гдѣ же результаты ея? ⁴⁾. Видны они развѣ только въ томъ, что сотни вернулись невредимы послѣ преслѣдованія, не вызвавъ ни одного даже шального выстрѣла, да въ томъ еще, что на глазахъ отряда горсточка черкесовъ съ башибузукками обезглавила и изуродовала до полутора десятка болгаръ. Изъ нихъ мертвые остались на родномъ полѣ

1) Соч. майора турецкой службы Таль-Эта, стр. 19.

2) Соч. его-же, стр. 14-я. При дальнѣйшемъ изложеніи я буду ссылаться какъ на этого автора, сочиненія котораго переведены на русскій языкъ подпоручикомъ Абдурахманомъ, такъ равно и на другого автора Музаферъ-паша (Mouzaffer pascha).

3) Таль-Этъ, стр. 15.

4) Въ замѣткахъ бывшаго начальника 5-й пѣхотной дивизіи полковника Попова на стр. 7 и 8 упоминается о развѣдкѣ 7-го іюля, что, вѣроятно, основано на донесеніяхъ, полученныхъ отъ конницы.

а искалеченные добрались ползкомъ на бивакъ и, въ потерѣ сознанія, истекая кровью, могли лишь тяжелымъ стономъ выразить свои мученія. Оказанная нашими врачами помощь страдальцамъ была для многихъ изъ нихъ уже ненужной.

Остановливаясь снова на дѣйствіяхъ конницы, невольно приходится въ голову: неужели она нуждается въ подробныхъ рецептахъ начальника отряда для своихъ прямыхъ и несложныхъ обязанностей: узнать, что дѣлается впереди. И неужели такъ дорогъ каждый лишній шагъ коннаго состава, что безъ приказанія двинуться съ мѣста—преступно? Въ данномъ случаѣ, дѣло складывалось весьма просто. Отрядъ, двигаясь изъ д. Парадимъ въ дер. Сгалунца, охранялся конницею; развѣ не могла она, будучи уже на свободѣ, выпущенной изъ рукъ начальника, открыть близость непріятеля, хотя бы той же полсотни черкесовъ, не допустивъ ихъ къ нашей пѣхотѣ. Наконецъ, имѣла-ли она право прекратить охраненіе въ то время, когда отрядъ не утвердился еще на бивакъ и цѣль сторожевыхъ постовъ отъ пѣхоты не была выставлена. Невозможно же предположить, чтобы начальникъ отряда отдалъ приказаніе убрать развѣзды преждевременно, не выславъ сторожевого охраненія, словомъ, сдѣлалъ бы непростительную оплошность. Если допустить даже другой, также невѣроятный случай, чтобы нашелся такой начальникъ, который забылъ о существованіи у него кавалеріи, то и тогда хорошая конница сама просилась бы на развѣдку, а самая плохая не могла не знать азбуки дѣла, что безъ смѣны развѣзды не должны прекращать службу сторожевой охраны. Затѣмъ, могла ли лихая конница спокойно видѣть возмутительную дерзость черкесовъ предъ фронтомъ бивака.

Спустя часъ послѣ отраженія непріятельскихъ смѣльчаковъ, мы слышали орудійную стрѣльбу въ сѣверо-западномъ направленіи. Предполагая, что и въ другомъ нашемъ отрядѣ, направлявшемся на Плевну, происходитъ такая же незначительная перестрѣлка, какая передъ этимъ была у насъ съ турецкой кавалеріею, никто не обратилъ особаго вниманія, тѣмъ болѣе, какъ всѣ уже знали, что на Плевну надвигается четыре полка нашей кавалеріи (3 казачьихъ и 1 уланскій) и что, слѣдовательно, съ такой конной силой трудно ожидать какой-либо нечаянности. Но увы! мы обманулись. Слышанная нами орудійная пальба, какъ оказалось впоследствии, была не пустая забава, а нечаянная бое-

вая встрѣча нашей 1-й бригады съ турками на лѣвомъ ихъ флангѣ у Буковлекскихъ высотъ.

Бригада эта, двигаясь на д. Вербица, не попала въ нее, благодаря неточности имѣвшейся для руководства единственной карты, а уклонившись нѣсколько къ западу и, столкнувшись неожиданно съ турками, вынуждена была преждевременно вступить въ бой и притомъ на неудобной для себя позиціи; это было приблизительно около 4¹/₂ час. пополудни.

Не получая никакихъ извѣстій о положеніи Костромского полка, къ которому въ полдень того же числа отправлены были изъ штаба дивизіи съ казаками двѣ записки, недоставленные, какъ оказалось впоследствии, за неразысканіемъ полка, — пришлось завязавшееся съ непріателемъ дѣло, ограничить лишь первымъ періодомъ — усиленной рекогносцировкой.

Бригада заночевала на занятыхъ позиціяхъ въ виду непріателя, вступивъ въ горячій бой съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня.

Не говоря уже о томъ, что подобная неожиданность предполагаетъ отсутствіе должнаго охраненія и развѣдки даже въ ближайшей къ войскамъ полосѣ мѣстности, но усматривается притомъ и отсутствіе связи, ибо оба отряда, раздѣленные между собою 14—15-ти верстнымъ разстояніемъ, не были извѣщены о томъ, что происходило у нихъ 7-го іюля.

Если на этотъ упрекъ можно еще допустить какое-либо оправданіе, какъ, напримѣръ: неполученіе на это приказанія или невозможность разыскать разбросанные отряды (последнее обстоятельство имѣло мѣсто 7-го іюля, о чемъ уже сказано выше) и т. п., то, спрашивается, какое же оправданіе можетъ быть предъявлено въ томъ, что цѣлый корпусъ Османа-паши, состоявшій изъ 22-хъ батальоновъ, девяти батарей и пяти эскадроновъ, совершая фланговый маршъ изъ кр. Видина съ 1 по 7-е іюля, прошелъ незамѣтно въ Плевну и былъ для насъ въ день боя 8-го іюля печальной неожиданностью (соч. Таль-Эта, стр. 8 и 9). Неужели корпусъ турецкихъ войскъ уподобился иголкѣ, которую трудно было найти? А вѣдь оказывается, если всмотрѣться въ карту, что Османъ-паша, идя въ Плевну черезъ Метрополь, о чемъ говоритъ приведенный авторъ (стр. 13), находился, по расчету, въ близкомъ сосѣдствѣ съ нашей конницей и даже въ районѣ той полосы мѣстности, которую надлежало освѣщать.

Странно то, что начальник плевненскаго гарнизона Атыф-паша, располагая до 7-го іюля всего лишь однимъ эскадронѣмъ, не считая ополчившихся жителей и башибузуковъ, выслалъ этотъ эскадронъ 6-го іюля на развѣдку, и сей послѣдній не убоился удалиться почти на 16 верстѣ и встрѣтить у Метрополя войска Османа-паши, какъ говоритъ объ этомъ Таль-Этъ (стр. 13). Показаніе о численномъ составѣ войскъ Османа-паши, времени ихъ выступленія изъ Видина и прибытіе ихъ въ Плевну подтверждается и другимъ турецкимъ авторомъ Музаферъ-пашей (стр. 4, 5, 9, 10 и др.).

И никѣмъ не тревожимый, корпусъ Османа-паши бивакировалъ 6-го іюля въ 15 верстахъ отъ Плевны, а на другой день 7-го іюля благополучно втягивался въ нее (соч. Таль-Эта, стр. 14).

Я не тревожилъ бы вопроса, еслибы онъ не имѣлъ связи съ дѣйствіями полковъ 5-й пѣх. дивизіи, поплатившихся потоками крови въ неравномъ бою 8-го іюля.

Но возвращаюсь къ продолженію разсказа: бой 8-го іюля происходилъ на двухъ участкахъ, раздѣленныхъ первоначально 6—8-ми верстнымъ разстояніемъ: на Сѣверномъ — у Буковлекскихъ высотъ и на Восточномъ—между д. Гривицей и г. Плевной.

Для ясности разсказа предпошлю краткое описаніе окрестностей Плевны съ ея укрѣпленными позиціями и приведу свѣдѣнія о численномъ составѣ защитниковъ къ указанному дню. Плевна, промышленный городъ Придунайской Болгаріи, узелъ дорогъ, ведущихъ отъ болѣе или менѣе важныхъ пунктовъ со стороны Дуная къ Балканскимъ проходамъ. Въ разстояніяхъ, считая отъ Плевны, это выразится такъ: до крѣпости Никополя около 35 верстѣ; до крѣпости Видина, черезъ г. Ломъ, около 170; до Систова—60; до Ловчи—34 и до г. Софіи, черезъ Орханіе около 165 верстѣ.

Мѣстность вокругъ Плевны живописная — это балканскіе отроги, идущіе съ юга на сѣверъ, обрываясь у праваго берега Дуная. Съ западной стороны протекаетъ р. Видъ, черезъ которую въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно перейти въ бродъ. Самый городъ Плевна находится въ котловинѣ, а съ трехъ сторонъ: съ сѣвера, востока и юго-востока расположены подковообразно высоты, имѣющіе превышеніе надъ уровнемъ р. Видъ до 700 футовъ. Высоты эти, какъ и котловины, покрытыя орѣховыми деревьями, разнаго рода кустарникомъ и виноградниками, имѣютъ мягкую форму. Вы-

соты же болѣе рѣзкихъ очертаній будутъ: на сѣверо-востокѣ — Яныкъ-баиръ, въ разстояніи трехъ верстъ отъ города; на востокѣ, въ разстояніи четырехъ верстъ — Гривницкія высоты, соединяющіяся съ Пелишатскими; затѣмъ въ разстояніи 2¹/₂ верстъ на сѣверѣ, нѣсколько западнѣе Яныкъ-баира - цѣпь Буковлекскихъ горъ и, наконецъ, на сѣверо-западѣ, въ пяти или шести верстахъ — Опанецкій хребетъ, стоящій совершенно отдѣльно и упирающійся въ рѣку Видъ. Какъ видно изъ описанія, мѣстность удобна для обороны на три фронта для отряда силою не меньше дивизіи. Ко дню 8-го іюля окрестности г. Плевны были уже укрѣплены; правда, тогда еще не было такихъ редутовъ, гигантовъ современнаго инженернаго искусства, какіе возникли впоследствии, но тѣмъ не менѣе и 8-го іюля пришлось уже оцѣнить значеніе лопаты, какъ оборонительнаго инструмента, въ умѣлыхъ рукахъ турокъ.

Работы по усилению позицій начались, вѣроятно, съ 27 іюня т. е. съ того дня, когда прибылъ изъ кр. Никополя, подъ начальствомъ Атыфъ-паши отрядъ изъ трехъ баталіоновъ, 4-хъ орудій и одного эскадрона и вытѣснилъ нашъ казачій отрядъ, занявшій Плевну 26 іюня (соч. Таль-Эта стр. 5-я). Подробности перваго занятія Плевны 26 іюня казаками и выступленіе оттуда турецкой обезоруженной роты съ лазаретомъ и обозомъ весьма интересны и отмѣчены Таль-Этомъ на стр. 4-й въ примѣчаніи 2-мъ его сочиненія.

Отрядъ Атыфъ-паши, подкрѣпленный 5 и 6 іюня еще шестью баталіонами, высланными Османомъ-пашой на маршѣ (Таль-Этъ стр. 11), имѣлъ возможность возвести оборонительныя линіи окоповъ.

Къ 8-му іюля были сооружены: на восточномъ фронтѣ „Юсгадское укрѣпленіе“, изъ котораго впоследствии выросъ сильной профили Гривницкій редутъ № 1 *): укрѣпленіе это прикрывалось нѣсколькими рядами траншей. На юго-восточномъ фронтѣ къ сторонѣ праваго оборонительнаго фланга были устроены также ряды окоповъ, протянутые до Шлевно-Ловчинскаго шоссе. На сѣверномъ фронтѣ находилось укрѣпленіе, передѣланное впоследствии и на-

---

*) Относительно Юсгадскаго укрѣпленія показанія Таль-Эта нѣсколько сбивчивы. Нужно думать, что подъ этимъ же названіемъ было еще одно укрѣпленіе на юго-восточномъ фронтѣ.

званное редутомъ „Сулейманъ-паша Табиа“, а въ тылу Юсгадскаго укрѣпленія, въ промежуткѣ между симъ послѣднимъ и редутомъ Сулейманъ-паша Табиа, находилось укрѣпленіе, названное послѣ „Башъ Табиа“, о которое долго разбивались усилія турокъ вырвать его обратно изъ рукъ Костромскаго полка 8 іюля. Окопы же слабой профилю, которыми въ изобиліи, въ знаменательный день боя, были унизаны хребты и сѣдловины плевненскихъ высотъ, были сооружены турками, вѣроятно, наканунѣ боя ночью, такъ какъ разумнаго примѣненія ихъ не замѣчалось.

Достоверность всего этого подтверждается очевидцами, показаніемъ болгаръ и затѣмъ свѣдѣніями, извлеченными изъ труда генерала Куропаткина (ч. 1-я стр. 261) и сочиненіемъ Таль-Эта (стр. 14). Вообще же этотъ послѣдній мало распространяется о работахъ по укрѣпленію плевненскихъ позицій къ 8 іюля.

Какъ сказано уже, 27 іюня прибылъ въ Плевну изъ кр. Никополи отрядъ Атыфа-паши въ составѣ 3 баталіоновъ, 4 орудій и 1 эскадрона гвардейскихъ казаковъ (Таль-Этъ стр. 5-я). Затѣмъ, выступившій изъ Видина 1 іюля, корпусъ Османа-паши, въ составѣ 19 баталіоновъ, 9 батарей и 5 эскадроновъ, началъ окончательно втягиваться въ Плевну съ утра 7-го іюля (Таль-Этъ, стр. 8 и 14). На пути къ Плевнѣ Османъ-паша притянулъ къ себѣ изъ Рахова еще 3 баталіона (Таль-Этъ, стр. 9). Такимъ образомъ, по турецкимъ источникамъ, отрядъ Османа-паши въ Плевнѣ къ вечеру 7-го іюля состоялъ изъ 25 баталіоновъ, 10 батарей и 6 эскадроновъ.

Съ нашей же стороны для дѣйствій противъ Плевны было назначено два отряда: Сѣверный—въ составѣ двухъ пѣхотныхъ полковъ (17-го Архангелогородскаго и 18-го Вологодскаго) двухъ конныхъ полковъ (Донскаго № 9 и Бугекаго Уланскаго) и четырехъ пѣшихъ батарей 5-й артиллерійской бригады, и Восточный—въ составѣ 3-хъ баталіоновъ 19-го Костромскаго полка съ одной батареей (5-я батарея) 31-й артиллерійской бригады; всего, следовательно, для атаки плевненскихъ позицій двинуто: 9 баталіоновъ, 40 орудій и два конныхъ полка, не включая въ этотъ составъ Кавказской казачьей бригады, которая не принимала участія въ бою 8 іюля, ибо должна была маневрировать.

Восточный отрядъ имѣлъ цѣлю—движеніе изъ дер. Сгалунца на д. Гривница для атаки плевненскихъ позицій съ востока совместно съ Сѣвернымъ отрядомъ, который наступая черезъ м. Бре-

сляница на дер. Вербица, имѣлъ цѣлью атаку сѣвернаго фронта; причѣмъ оба отряда, двигаясь въ указанныхъ направленіяхъ могли конечно соединиться въ день боя, хотя бы въ сферѣ огня, но соединеніе это не произошло, и оба отряда дѣйствовали порознь. Главной причиной къ тому было то, во-первыхъ, что Восточный отрядъ сталъ на бивакъ 7-го іюня не на Шлево-Русцукскомъ шоссе, у котораго на картѣ показана д. Сталунца, а южнѣе шоссе почти на 5 верстъ и, во-вторыхъ, то, что сѣверный отрядъ, двигаясь на дер. Вербица, о чемъ сказано было выше, уклонился нѣсколько къ западу. Такимъ образомъ, первоначально предполагаемое по расчету разстояніе между отрядами удвоилось.

Заканчивая описаніе дѣйствій 7-го іюля, остается повторить, что Сѣверный отрядъ, послѣ сдѣланной имъ усиленной рекогносцировки, заночевалъ на занятыхъ имъ позиціяхъ у Буковлекскихъ высотъ (Донской № 9 полкъ, занимавшій въ полдень 7-го іюля д. Рыбино, былъ притянутъ къ правому флангу боеваго порядка, гдѣ и дѣйствовалъ), а Восточный отрядъ, не тревожимый больше черкесами, стоялъ спокойно въ полномъ невѣдѣніи у д. Сталунца, куда незадолго передъ наступленіемъ сумерокъ прибыла вся Кавказская казачья бригада съ ея артиллеріей и расположилась на ночлегъ въ тылу бивака полка, за его обозомъ. Не выбрасывая сего послѣдняго факта изъ свитка своихъ воспоминаній невольно снова волнуешься вопросомъ: почему эта грозная конная сила, слыша въ сѣверномъ отрядѣ орудійныя выстрѣлы, не пошла на нихъ, а вѣдь по расчету и времени и разстоянія она не могла ихъ не слышать, и тонкимъ казачьимъ чутьемъ не могла не разгадать важнаго значенія своевременной помощи. Но бригада очевидно маневрировала, хотя, странно, почему она, въ такомъ случаѣ, не заняла въ тотъ же день д. Тугеницу, куда ей надлежало передвинуться согласно приказанію, какъ это видно изъ записокъ бывшаго начальника штаба 5-й пѣхотной дивизіи полковника Попова.

Итакъ, если отмѣтить еще, что 7-го іюля къ Восточному отряду присоединился 13-й летучій артиллерійскій паркъ, то этимъ заканчивается все то, что совершилось наканунѣ 8 іюня въ означенномъ отрядѣ, къ которому я снова приковываю свое вниманіе.

Наступила тихая звѣздная ночь. Легкою мглою затянулись низы лощинъ и балокъ. Воздухъ дышалъ пріятной, послѣ дневной

жары прохладой. Очертанія, стоявшаго на горѣ, бивака виднѣлись ясно; на немъ притихло и казалось уснуло все; долго лишь мерцалъ огонь въ палаткѣ нашего командира, ожидавшаго, видимо, приказаній изъ штаба дивизіи. Около 3-хъ часовъ утра у ставки его слышался говоръ и фырканіе лошадей—то были казаки, доставившіе, наконецъ, ожидаемое приказаніе для предстоящаго боя.

Въ 4 часа утра отрядъ былъ поднятъ; баталіоны торопливо одѣвались и строились; артиллеристы на рысяхъ вели къ водою лошадей. Вскорѣ, при слабомъ свѣтѣ занимавшейся зари, мы увидѣли, вышедшаго изъ палатки красавца командира. Осанистый видъ его и спокойныя движенія были по прежнему тѣ же. Подозвавъ къ себѣ черезъ дежурнаго по полку старшихъ офицеровъ, онъ неторопливо отдавалъ имъ свои приказанія.

По прочтеніи полковымъ священникомъ напутственной молитвы (облаченія были уже уложены въ обозѣ) отрядъ тронулся въ 4^{1/2} часа: пѣхота, въ колоннѣ по отдѣленіямъ, въ порядкѣ старшинства баталіоновъ, а батарея, въ одно орудіе между 1-мъ и 2 баталіонами; голову всей колонны прикрывалъ дивизіонъ кубанцевъ. Обозы полка, батареи и 13-й артиллерійскій паркъ остались на бивакѣ подъ прикрытіемъ двухъ ротъ 11-й и 12-й.

Не успѣла колонна вытянуться, какъ послышались орудійные выстрѣлы въ томъ же направленіи въ какомъ слышали наканунѣ. Стало ясно, что нашъ Сѣверный отрядъ вступилъ уже въ бой.

Офицеры замѣтно встревожились при мысли, что мы опаздали и что Плевну возьмутъ безъ насъ. Предположеніе это перелилось и къ солдатамъ и оно стало общимъ; всѣ заговорили, заволновались, адъютанты и конные ординарцы замелькали вдоль колонны съ передачей какихъ-то приказаній. Возбужденное состояніе солдатъ выразилось въ нервномъ ускоренномъ шагѣ, влѣдствіе чего черезъ полчаса, приблизительно, голова колонны догоняла уже шедшій впереди казачій дивизіонъ, и съ этого времени хвосты лошадей не скрывались болѣе изъ глазъ передового баталіона.

Послѣ полуторачасового марша, отрядъ торопливо подходилъ къ д. Гривница, расположенной въ лощинѣ, по продолженію которой пролегла наша дорога. Солнце поднялось и общало жаркій день *). Орудійная кононада на правомъ флангѣ слышалась уже

*) Около 8 часовъ утра жара доходила до 30°.

явственнѣе и все учащалась, и изрѣдка отчетливо раздавались глухіе ружейные залпы. Окружавшіе полковника Клейнгауза штабные офицеры весьма назойливо выражали свое прежнее предположеніе о нашемъ опазданіи, что видимо начинало волновать и невозмутимаго командира. Не доходя $\frac{3}{4}$ версты до д. Гривница въ то время, когда голова колонны вышла изъ-за выступа сосѣдней съ лѣвой стороны высоты, раздался первый непріятельскій орудіиный выстрѣлъ. Не разорвавшаяся граната упала въ промежутокъ между 1-мъ баталіономъ и казачьимъ дивизиономъ. Этотъ послѣдній, пораженный неожиданностью разсыпался въ стороны. Не успѣлъ раздаться второй выстрѣлъ, какъ 1-й баталіонъ, перейдя въ строй по ротно и выславъ въ цѣль 1-ую стрѣлковую роту, двигался бѣгомъ полуоборотомъ вправо къ сторонѣ Сѣвернаго отряда, а батарея, свернувъ также вправо, подымалась на близъ лежавшую высоту. Вслѣдъ за этимъ раздался второй выстрѣлъ, послѣ котораго непріятельская батарея вела уже рѣдкую стрѣльбу, не причинивъ пока отряду никакого вреда. Когда очистилось мѣсто 2-му баталіону, то онъ, продолжая движеніе, началъ также на бѣгу перестраиваться по ротно и, выславъ въ цѣль 2-ую стрѣлковую роту, скоро очутился на линіи 1-го баталіона и даже немного опередилъ его. Три роты 3 баталіона составили общій резервъ за лѣвымъ флангомъ. Батарея успѣла стать на позицію и открыла отвѣтный огонь. Выстроивъ поспѣшно боевой порядокъ, полкъ, по приказанію командира, продолжалъ наступленіе бѣгомъ, и въ то время когда цѣль и передовыя роты 2 баталіона начали спускаться въ Гривницкій оврагъ, извиристо протянувшійся къ сѣверу отъ означенной деревни, онѣ были встрѣчены изъ окоповъ противоположнаго ската оврага сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Тутъ стали уже появляться первые жертвы боя, но не смотря на постепенно усиливавшійся огонь, передовыя роты на ходу сбрасывали рашцы, а нѣкоторые и шинели и по прежнему суетливо безъ выстрѣла перебирались черезъ оврагъ и, поднявшись на противоположный скатъ его, бросились къ окопамъ съ крикомъ „ура“. Турки въ числѣ, примѣрно, баталіона отступили бѣгомъ въ слѣдующій тыловой рядъ своихъ окоповъ и лишь полсотни фанатиковъ-смѣльчаковъ, отстаивая твердо первую линію окоповъ—были переколоты штыками. 2-й баталіонъ, занявъ окопы и открывъ по отступавшему непріятелю рѣдкій огонь, имѣлъ въ резервѣ лишь

двѣ роты, такъ какъ остальные двѣ 5-я и 6-я во время штыковой схватки влились въ цѣпь 2-й стрѣлковой роты. Въ это-же время 1-й баталіонъ, прикрытый своей стрѣлковой ротой, продолжалъ наступленіе полуборотомъ вправо по пересѣченной мѣстности, покрытой густыми зарослями и поэтому, значительно отсталъ. Командиръ полка, не видя 1-го баталіона, поскакалъ къ нему. Медленность наступленія произошла еще и потому, что этому баталіону пришлось оказать помощь батарее, переѣзжавшей на вторую позицію. Эта послѣдняя, увидя себя закрытой 2-мъ баталіономъ, занявшимъ передъ ея фронтомъ линію непріятельскихъ окоповъ подивизионно переѣхала на другую позицію, занявъ таковую у верховья Гривицкаго оврага въ разстояніи примѣрно $\frac{3}{4}$ версты къ сѣверу отъ д. Гривица. Передовыя роты 1-го баталіона едва успѣвали слѣдовать за батареей. Но въ то время, когда второй дивизионъ готовился къ переѣзду, а первый уже занялъ упомянутую позицію, то оказалось, что сей послѣдній попалъ не только подъ непріятельскій орудійный огонь, (непріятельская батарея стояла на прежнемъ мѣстѣ у Иосгадскаго укрѣпленія), но и подъ фланговый ружейный огонь съ правой стороны. Не растерявшись отъ неожиданности, дивизионъ осыпалъ картечью турецкіе окопы, откуда огонь скоро прекратился по артиллерійскому дивизиону и былъ направленъ непріятелемъ противъ нашего 1-го баталіона, наступавшаго правѣе батареи для атаки означенныхъ окоповъ. Двигаясь съ барабаннымъ боемъ, поротно въ двѣ линіи на сближенныхъ дистанціяхъ, подъ прикрытіемъ взвода 1-й стрѣлковой роты (второй взводъ прикрывалъ артилерію съ лѣвой стороны, держа связь со 2 баталіономъ), 1-й баталіонъ бросился съ большого разстоянія на „ура“. Турки въ свою очередь съ крикомъ „алла“ выскочили навстрѣчу и, пользуясь длиннымъ протяженіемъ своей оборонительной линіи, начали охватывать баталіонъ съ обонхъ фланговъ (артиллерія наша не могла стрѣлять, будучи закрыта ротами 1-го баталіона). Но едва началась рукопашная схватка зарвавшихся впередъ нашихъ и турецкихъ смѣльчаковъ, какъ по всей линіи турки, не переставая кричать „алла“ повернули назадъ и отступили въ безпорядкѣ. Двигавшіеся сзади резервы ихъ, отступили также. Занявъ окопы, 1-й баталіонъ открылъ безпорядочную залповую стрѣльбу по отступающимъ. Когда непріятель скрылся въ неровностяхъ мѣстности и стрѣльба прекратилась, то баталіонъ

началъ устраниваться и развернулся по всей длинѣ окоповъ въ одну линію, имѣя въ резервѣ одну лишь 4-ую роту. Потери наши во время этой атаки были нѣсколько больше чѣмъ непріятельскія, но зато онъ понесъ значительный уронъ при отступленіи, отмѣтивъ свой слѣдъ сотнями труповъ.

Видя издали успѣхъ 1-го баталіона, командиръ полка подождалъ къ себѣ командира этого баталіона подполковника Діаконова и, отдавъ ему лично приказаніе для дальнѣйшаго наступленія, уѣхалъ ко 2-му баталіону, при которомъ все время уже и оставался, пока не былъ убитъ.

Смолкнувшій на время артиллерійскій дивизионъ, стрѣлявшій картечью въ турецкіе окопы, атакованные 1-мъ баталіономъ, перенесъ бѣглый огонь на батарею противника, которая въ свою очередь учатила стрѣльбу, правда, не мѣткую. Снаряды ея по большей частью дѣлали перелетъ. Съ прибытіемъ вскорѣ 2-го дивизиона, наша батарея взяла перевѣсъ надъ непріятельской (турецкая состояла, кажется, изъ 4-хъ орудій), подбивъ у нея одно орудіе, которое видѣли потомъ офицеры 2-го баталіона подпоручики Демченко, Косенко и др.; при дальнѣйшемъ наступленіи, оно было брошено турками.

Но обратимся къ дѣйствіямъ 2-го баталіона, на долю котораго выпала трудная и отвѣтственная задача при послѣдующемъ наступленіи на протяженіи почти четырехъ верстъ двигаться уступомъ впередъ по очищенной отъ зарослей и кукурузы мѣстности и все время прорывать подъ губительнымъ огнемъ середину непріятельскихъ оборонительныхъ линій. Съ отъѣздомъ командира полка къ 1-му баталіону, не долго устранивался 2-й баталіонъ въ занятыхъ имъ безъ выстрѣла окопахъ. Смѣтливый и неустрашимо-храбрый командиръ этого баталіона маіоръ Ксирихи, замѣтивъ, что турки подводятъ съ правой стороны подкрѣпленія ко второй своей линіи окоповъ, куда безъ особыхъ потерь успѣли уже отступить и прежніе защитники передовой линіи, — повелъ лично свой баталіонъ впередъ, слѣдуя самъ за цѣпью 2-й стрѣлковой роты, успѣвшей на ходу отдѣлиться отъ 5-й и 6-й линейныхъ ротъ, смѣшавшихся было съ нею, какъ сказано выше. Замѣтивъ рѣшительное наступленіе 2-го баталіона, турки открыли бѣшенную стрѣльбу, но видимо не цѣлясь, ибо почти все болѣе чѣмъ полуверстное пространство, отдѣлявшее обѣ стороны, а равно еще большая полоса сзади

засыпались дождемъ свинца. Свистъ летѣвшихъ чрезъ головы пуль казался пчелинымъ роемъ. Потери наши становились все больше и больше, что замѣчалось по учащавшимся стонамъ и искриканьямъ падавшихъ жертвъ боя; но молодецкая 2-я стрѣлковая рота, предводимая любимымъ своимъ командиромъ поручикомъ Тарасевичемъ, наступала безъ остановокъ, отвѣчая непріятелю огнемъ на ходу. Линейныя роты въ двѣ линіи, въ развернутомъ строю, не отставали отъ стрѣлковъ. Это былъ единственный случай стройнаго, какъ на ученин, движенія въ атаку; подобной картины больше уже не пришлось видѣть ни на одномъ изъ боевыхъ участковъ. Мало измѣнилась стройность баталіона даже тогда, когда, поднявшись на гребені, открытой со всѣхъ сторонъ высоты, онъ былъ встрѣченъ, кромѣ фронтальнаго огня, фланговымъ ружейнымъ слѣва и орудійнымъ справа изъ вновь появившейся второй непріятельской батарее. По мѣрѣ сближенія барабаны начинали нескладно, порывисто бить, а имъ, какъ бы вторили визгливо-жалобныя звуки турецкихъ рожковъ. Но вотъ уже заалѣли въ окопахъ верхушки красныхъ фесокъ; стрѣлки пріостановились и, выждавъ толчка 5-й и 6-й ротъ, бросились на „ура“. Турки засуетились, заметались, вырываясь по одиночкѣ то впередъ, то назадъ, точно въ неожиданномъ испугѣ и, огласивъ воздухъ заунывнымъ „алла“, бросились бѣжать и отстрѣливались, держа ружье на плечѣ горизонтально, не глядя назадъ.

Наскоро всѣ три передовыя роты залегли по наружнымъ отлогостямъ насыпей и открыли одиночную частую стрѣльбу по отступающему, успѣвшему однако скоро скрыться отъ преслѣдованія огнемъ, благодаря имѣвшимся вправо кукурузнымъ посѣвамъ и складкамъ мѣстности.

Нужно удивляться способности турокъ быстро отступать, на ходу стрѣлять и весьма умѣло подбирать своихъ раненыхъ и убитыхъ. Это обстоятельство, подмѣченное нами, отчасти объяснило первоначальное наше недоумѣніе: почему потери турокъ почти всегда казались меньше нашихъ и меньше ожидаемыхъ по расчету. Въ добычу атаковавшимъ достались десятки ящичковъ съ патронами, галеты и баклаги съ водой, на которую накиннулись солдаты и офицеры, томимые жаждой. Передохнувъ немного, роты передовой линіи начали разбираться, но едва поднялись изъ-за насыпей, какъ были осыпаны слѣва пулями во флангъ. Роты

опять прилегли. Глазь не различалъ яснаго очертанія окоповъ, но лишь по дыму было видно, что слѣва отдѣльныя группы непріятельскихъ стрѣлковъ унизывали хребты, сѣдловины и скаты ихъ на крайне волнистой мѣстности. То былъ, очевидно, правый оборонительный флангъ. Видя потери, командиръ баталіона выдѣлилъ снова изъ строя перемѣшавшихся трехъ ротъ вторую стрѣлковую роту, которая, отодвинувшись нѣсколько впередъ и влѣво, разсыпалась и взяла въ свою очередь во флангъ безпокоившаго насъ непріятели. Командиръ роты поручикъ Тарасевичъ, какъ увлекающаяся натура охотника, сталъ съ ружьемъ въ рукахъ, за орѣховымъ деревомъ и будучи прекраснымъ стрѣлкомъ намѣчалъ по выбору жертвы. Но спустя минутъ 5 не стало уже биться благородное сердце любимаго въ полку товарища—онъ былъ убитъ пулей въ голову. Нѣсколько раньше рассказаннаго, именно въ то время, когда 2-й баталіонъ велъ молодецкую атаку, на 2-ю линію окоповъ, командиръ полка, вернувшійся отъ 1-го баталіона, стоялъ на возвышеніи у шоссе со своимъ штабомъ и, замѣтивъ раньше другихъ укрѣпленную позицію на правомъ непріятельскомъ флангѣ къ западу отъ деревни Гривица, откуда и обстрѣливался 2-й баталіонъ во время и послѣ атаки,—послалъ спѣшное приказаніе черезъ адъютанта удлинитъ 3-му баталіону лѣвый флангъ боевого порядка, держась лѣвымъ флангомъ шоссе. Спусти четверть часа майоръ Барашевъ рассыпалъ 3-ю стрѣлковую роту въ цѣпь, а самъ, находясь при остальныхъ 2-хъ ротахъ своего баталіона, переходить уже черезъ сѣверную окраину деревни Гривица, гдѣ пришлось 3-й стрѣлковой ротѣ штыками выбивать засѣвшую въ домахъ непріятельскую роту, которая по выходѣ изъ деревни, снова крѣпко залегла въ ближайшихъ за деревней окопахъ, но преслѣдуемая настойчиво стрѣлками, была почти вся уничтожена. Это обстоятельство подтверждаетъ и турецкій авторъ Таль-Этъ въ своемъ сочиненіи (стр. 17). То была храбрая турецкая рота Симскаго резервнаго баталіона. Все вышеизложенное произошло въ исходѣ 8-го часа утра. 1-й баталіонъ въ это время успѣлъ продвинуться по густымъ зарослямъ еще нѣсколько впередъ и вправо, упершись правымъ флангомъ къ обрыву оврага, по которому протекалъ лѣвый притокъ Буковлекскаго ручья, но все же баталіонъ этотъ оставался уступомъ сзади. Ему приходилось сдерживать попытки трехъ таборовъ атаковать во флангъ нашу бата-

рею, которая боролась уже съ двумя батареями. Къ означенному времени полкъ не имѣлъ общаго резерва и растянулся въ одну линію на протяженіи почти двухъ верстѣ. Общее управление ходомъ боя стало затруднительнымъ. Командиръ полка считалъ лѣвый свой флангъ обезпеченнымъ высылкой 3-го баталіона, но видя остановку 2-го баталіона, помчался къ нему и личнымъ энергичнымъ приказаніемъ поднялъ его и повелъ на слѣдующій третій рядъ окоповъ, за которыми ясно видѣлось укрѣпленіе (Иосадское) и рядомъ съ нимъ влѣво батарея. Баталіонъ, не успѣвшій еще разбраться въ рядахъ, нестройно двинулся впередъ учащеннымъ шагомъ. Оставшіеся въ строю офицеры приводили въ порядокъ разстроенныя роты, потерявшія уже болѣе четверти своего состава. Командиръ полка со своимъ штабомъ и командиръ баталіона находились между цѣпью и передовой линіей. Едва баталіонъ продвинулся на сотню шаговъ впередъ, непріятель замѣтилъ атакующихъ и довелъ до крайняго напряженія не умолкавшую и передъ этимъ стрѣльбу. Ружейную трескотню дополняли гулъ орудій, визгъ и грохотъ разрывавшихся снарядовъ. Надлежало же пройти болѣе чѣмъ полуверстное разстояніе по открытой мѣстности, на которой, казалось, не было живого мѣста, и каждый шагъ наступающаго отмѣчался убылью строя. Но движеніе продолжалось, хотя медленнѣе уже прежняго: роты начинали останавливаться, залегать, подыматься и снова идти. 2-я стрѣлковая рота, съ потерей своего командира, наступала нерѣшительно, слабо отвѣчая на огонь непріятеля, наконецъ, совершенно остановилась, будучи неожиданно встрѣчена съ лѣвой стороны близкимъ огнемъ изъ скрытаго раньше отъ нашихъ взоровъ окна. Замѣтивъ это командиръ полка подскочилъ къ 5-й ротѣ и двинулъ ее впередъ на окопъ, откуда, не выждавъ удара, непріятель бѣжалъ въ рассыпную, послѣ чего 5-я рота вошла въ цѣпь, удлинивъ лѣвый флангъ. Одновременно съ этимъ командиръ баталіона рассыпалъ и 6-ю роту въ интервалы 2-й стрѣлковой роты, и наступленіе вновь началось подъ прежнимъ убійственнымъ огнемъ. Къ этому періоду боя относятся наибольшія потери съ нашей стороны, особенно въ штабъ-офицерахъ—почти одинъ за другимъ убили изъ строя: ранеными—начальникъ стрѣлковъ майоръ Гринцевичъ и майоръ Бѣльскій,—убитыми: командиръ полка полковникъ Клейнгаузъ и майоръ Цехановичъ. Всѣ они пролили кровь на глазахъ 2-го баталіона.

Вспомниая трагическую кончину храбраго полковаго командира, удивляешься невольню тому самообладанію, какое проглядывало въ натурѣ этого благороднаго челоуѣка и начальника. Будучи раненъ первоначально пулею въ шею, онъ вынулъ платокъ и спокойно самъ перевязалъ свою рану, оставаясь въ сѣдлѣ; но повязка не остановила крови и рана видимо безпокоила его; тогда онъ слѣзъ съ коня, но едва коснулся одной ногой земли, какъ былъ пораженъ осколкомъ снаряда въ лѣвый високъ; послѣдній глубокой вздохъ, какъ сожалѣніе о чемъ то недоконченномъ; что собиался еще совершить, но жизни уже не стало.... Одновременно съ этимъ былъ также убитъ на правомъ флангѣ и командиръ 1-го батальона подполковникъ Діаконовъ, съ потерей котораго, а равно за убылью многихъ офицеровъ, баталіонъ нѣсколько разстроился и по частямъ началъ присоединяться къ правому флангу 2-го баталіона. Итакъ за убылью пяти штабъ-офицеровъ и почти трети оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ, наступила критическая минута для нашего центра, тѣмъ болѣе, что и 3-й баталіонъ, находившійся уступомъ на лѣвомъ флангѣ, также ослабѣвалъ, сдерживая натискъ тройныхъ силъ непріятеля и повторявшіяся нѣсколько разъ атаки черкесской конницы, которая стремилась охватить лѣвый флангъ. Замѣтивъ наше замѣшательство, турки начали сами переходить въ наступленіе: густыя, нестройныя колонны ихъ, прикрытыя стрѣлковыми цѣпями, выдвигались изъ-за укрѣпленія. Цѣпь 2-го батальона залегла и открыла частый огонь. Командиръ баталіона подполковникъ Ксирихи, подтянувъ къ цѣпи 8 роту, которая вскорѣ и открыла беспорядочную залповую стрѣльбу, самъ оставался при 7-й ротѣ и рѣшительными мѣрами приводилъ ее къ порядку, ибо она, за выбытіемъ изъ строя своего ротнаго командира капитана Буйвида, нѣсколько разстроилась. Между тѣмъ турки уже были близко: начинались слышаться ободряющіе ихъ крики „алла“ и затрубили сигнальные рожки. Казалось, огонь нашъ не остановитъ напора пяти таборовъ, чуввшихъ, очевидно, побѣду и добычу. Прежнее робкое „алла“ взрывомъ раздалось въ груди фанатиковъ, и они бросились въ штыки. Но въ эту рѣшительную минуту явилась на выручку наша батарея. Подобно урагану, она на карьерѣ вынеслась къ правому флангу и снялась на линіи цѣпи. Не прошло и десяти секундъ, какъ батарея окуталась облакомъ дыма и обда-

вала картечью въ упоръ синія массы турокъ во флангъ. Не увеличивая можно сказать, что въ какихъ-либо полминуты батарея разматала непріятельскіе баталіоны. И лишь немногимъ смѣльчакамъ удалось добѣжать до нашихъ штыковъ и погибнуть геройской смертью. Остальные-же повернули и обратились въ безпорядочное бѣгство, оставивъ на мѣстѣ сотни необранныхъ труповъ. Ободренные роты 2-го баталіона съ остатками 1-го, сплошной стѣной въ одну линію, бросились преслѣдовать и черезъ двѣ три минуты, безъ сопротивленія турокъ, заняли Юсгадское укрѣпленіе и передовые его окопы, въ коихъ было разбросано много ящичковъ съ патронами; вблизи оставленной непріятелемъ батареи стояло подбитое орудіе и два зарядныхъ ящика. Труны защитниковъ, разбросанные всюду, осколки чугуна и взрыхленная снарядами земля, куски окровавленной, разорванной одежды и тряпокъ—дополняли картину разрушенія. Послѣ полуминутной передышки маіоръ Кебрихи, при горячемъ содѣйствіи оставшихся въ строю офицеровъ: штабсъ-капитана Терпиловскаго и подпоручиковъ: Демченко, Косенко, Шаталова, Городисскаго и другихъ, поднявъ перепутавшіяся роты, устремился къ дальнѣйшему преслѣдованію.

Непріятельскія батареи на время умолкли, ибо, вѣроятно, не успѣли занять новыхъ позицій, да къ тому же были закрыты своею отступающей пѣхотой. Но за то вскорѣ появилась съ лѣвой стороны новая, не изъ числа прежнихъ, батарея и вела разбросанный огонь. Наша же батарея, дѣлая короткіе перѣзды по прежнему осыпала картечью рѣдѣвшій съ каждымъ шагомъ строй бѣгущихъ. Занятіе 3-го ряда окоповъ и дальнѣйшее преслѣдованіе свершились въ неходѣ 9-го часа. Одновременно съ этимъ и 3-й баталіонъ, дѣйствовавшій отдѣльно на лѣвомъ флангѣ, гналъ также обезумѣвшаго врага. Въ означенномъ баталіонѣ отличались хладнокровіемъ и распорядительностью: маіоръ Барашевъ, штабсъ-капитанъ Сальковъ и прапорщики Суворовъ и Носалевскій. Этотъ періодъ, съ момента появленія на выручку нашей батареи, отчасти согласуется съ описаніемъ турецкаго автора Таль-Эта, который въ своемъ сочиненіи на стр. 17 съ 13 строки и на стр. 18 говоритъ о томъ, какъ безпощадно обстрѣливался артиллеріей ихъ правый флангъ, какъ пронзошла кавалерійская, съ нашей стороны атака, какъ началось послѣ сего безпорядочное отступленіе,

затѣмъ высылка Османъ-пашой къ Гривницкому озрагу полковника Саидъ-бека на подкрѣпленіе съ полутора баталіонами, выѣздъ свѣжей батареи и, наконецъ, какъ началось общее по всей линіи отступленіе, которое будто-бы прекратилось съ открытіемъ всѣми батареями по наступающему огню и вліяніемъ объявленной главнокомандующимъ черезъ Тахира-пашу угрозы, что прикажетъ артиллеріи стрѣлять по своимъ, если не возвратятся на прежнія позиціи. Все это будетъ, пожалуй, такъ, если сдѣлать къ сему три поправки: во-первыхъ, никакой кавалерійской атаки на участкѣ восточнаго отряда не было; ибо нашъ казачій дивизионъ не появлялся, была лишь произведена атака казачьимъ Донскимъ № 9 полкомъ на правомъ флангѣ сѣвернаго отряда, но это было, значить, вдали отъ Яныкъ-баира и Гривницкихъ высотъ, почти въ 4—5 верстахъ отъ сихъ послѣднихъ. Очевидно, турецкій авторъ, наблюдая издали, ошибочно принялъ за кавалерію, нашу лихую батарею, которая въ полномъ составѣ орудій и зарядныхъ ящиковъ выносилась на позицію. Внушительный видъ такой батареи, мчавшейся къ непріятелю на дистанцію прямого ружейнаго выстрѣла, легко можно было принять за атаку кавалеріи. Во-вторыхъ, отступленіе турокъ не такъ скоро прекратилось. Если описанное турецкимъ авторомъ беспорядочное отступленіе изъ третьяго ряда окоповъ приурочить къ времени и разстоянію, какъ единицамъ измѣренія, то окажется, что въ отношеніи послѣдняго т. е. разстоянія, отступленіе турокъ продолжалось съ перерывами, правда, на пространствѣ почти около 3-хъ верстъ, а по времени, въ томъ значеніи, что усѣхъ былъ вырванъ уже изъ рукъ непріятеля, отступленіе его длилось болѣе двухъ часовъ, включая сюда, конечно, и неоднократныя попытки возвратитъ потеряныя позиціи, о чемъ будетъ сказано ниже. Принимая въ соображеніе свойственную туркамъ привычку употреблять мягкую форму выраженій, при описаніи своихъ неудачъ, можно изъ прочитаннаго сочиненія указаннаго автора составить себѣ ясное представленіе о дѣйствительности. И въ третьихъ, наконецъ, невѣрное показаніе Таль-Эта относительно неприспособленности позицій къ оборонѣ и неимѣнія на нихъ никакихъ закрытіій.

Вѣдь самъ онъ противорѣчитъ себѣ, говоря въ своемъ же сочиненіи на стр. 14-й о существованіи 7-го іюля Юсгадскаго укрѣпленія на правомъ флангѣ, и затѣмъ на стр. 22 въ выноскѣ

4-й¹⁾ упоминает также о трех линиях окоповъ, коимъ, впрочемъ, будто бы не придавалось никакого оборонительнаго значенія, выстроивъ ихъ для одной лишь приманки русскихъ, чтобы вѣрнѣе завлечь ихъ въ трудно проходимую мѣстность. Объ этомъ умышленномъ желаніи завлечь русскихъ, турецкій авторъ говоритъ, однако, не стѣсняясь въ томъ же прибавленіи. Также невѣрно его показаніе относительно оставленныхъ 8-го іюля на полѣ сраженія 17 патронныхъ ящиковъ. Ящики эти были оставлены Сѣвернымъ отрядомъ не на полѣ сраженія, а далеко въ тылу, а именно тогда (послѣ отступленія), когда, попавъ въ углубленную узкую дорогу, которая обстрѣливалась фланговымъ огнемъ дальнобойныхъ орудій, ничего не оставалось больше сдѣлать, какъ выпрячь лошадей и бросить громоздкіе ящики, такъ какъ передній изъ нихъ опрокинулся и дорога закупорилась. Но возвращаясь къ продолженію разсказа. Перебѣжавшія роты 1-го и 2-го баталіоновъ наступали по пятамъ отступающаго непріятели: солдаты выскакивали, останавливались, стрѣляли и снова бѣжали. Нужно правду сказать, что это было уже не преслѣдованіе, а скорѣе напоминало облаву—охоту на затравленнаго звѣря. Турки уходили въ свое послѣднее укрытіе, отдѣльно стоявшее укрѣпленіе, туда, гдѣ на верстовой картѣ, приложенной къ сочиненію генерала Куропаткина, значится редутъ „Башъ-Табія, что въ створѣ редутовъ Гривицкій № 1 и „Сулейманъ-паша Табія“. Добѣжавъ до линіи означеннаго укрѣпленія, не прикрытаго съ фронта стрѣлковыми окопами, непріятель изъ ближайшихъ участковъ началъ собираться въ него по одиночкѣ и кучками, между тѣмъ какъ осталая часть отступающихъ, раскинутая длинной безпорядочной линіей, не думала уже о защитѣ и по прежнему отступала.

Собравшіяся въ укрѣпленіи части попробовали было оказать сопротивленіе, открывъ огонь, но видя себя оставленными, обратились снова въ бѣгство, пока не вышли изъ-подъ огня нашихъ „Крынка“. Достигнувъ укрѣпленія, роты остановились на передышку послѣ утомительнаго двухверстнаго преслѣдованія и медленно начали разбираться, приходитъ въ порядокъ, собирать патроны. Занять укрѣпленіе съ открытой горжей не представлялось

---

¹⁾ Также на высотахъ ущелья вдоль дороги были возведены окопы (стр. 16).

возможнымъ; пришлось располагаться для обороны открыто, въ его. 3-й баталіонъ также пріостановился и началъ устраиваться. Стрѣльба на время прекратилась; даже умолкла молодецкая наша батарея, ставшая уступомъ сзади укрѣпленія. Непріятель скоро скрылся за ближайшимъ вправо скатомъ понижавшейся къ г. Плевно мѣстности. Было 10 часовъ. Солнце страшно жгло. Мелькавшія въ раскаленномъ воздухѣ, точно пряди плававшихъ паутинъ, придавали ему видъ колеблющейся волны и рябили въ воспаленныхъ отъ зноя и пыли глазахъ.

Очертанія города съ его красными черепичными кровлями и минаретами видѣлись неясно, хотя до окраины его оставалось не больше полторы версты. Измученные четырехчасовымъ боемъ на пространствѣ почти 5 верстъ и томимые жаждой солдаты неповоротливо разбирались. Но не прошло и четверти часа, какъ непріятельскія батареи появились снова съ двухъ сторонъ—южнѣе и сѣвернѣе города и начали мѣтко бросать снаряды по занятой нами линіи и вскорѣ за этимъ показали густыя пѣхотныя колонны турокъ, прикрытыя пѣхью стрѣлковъ. Засуетились и наши роты, раздалась команды и напоминанія беречь патроны. Несшійся со стороны турокъ сильный шумъ и гамъ возвѣщаль приближеніе и степень рѣшимости возвратитъ отбитыя у нихъ позиціи. Минуты ожиданія и приготовленій съ нашей стороны длились не долго. Батарея первая нарушила молчаніе и полетѣли снаряды; роты также открыли выдержанные залпы съ 500—600 шаговъ, перешедшіе затѣмъ въ безпорядочную стрѣльбу. Турки какъ бы еще больше увеличили быстроту своего наступленія. И снова начался невообразимый хаосъ, въ которомъ слились въ одно: и стоны, и дикое заунывное „алла“, и трескотня ружейная, и гулъ гремѣвшихъ орудій. Но вдругъ замѣтно стало, что энергія наступающаго стала ослабѣвать: головныя части остановились, заднія же продолжали движеніе и вскорѣ увлекли и переднихъ за собой на нѣкоторое разстояніе, но, наконецъ, тоже остановились. Отчаянный взрывъ „алла“ и всколыхнулись вновь синія массы порывомъ впередъ. Но прошло нѣсколько томительныхъ секундъ и не хватило у врага силъ выдержать нашъ губительный огонь въ полосѣ 200 — 300 шаговъ. — непріятель повернулъ и началъ поспѣшно отступать. Батарея преслѣдовала шрапнелью, пока турки не скрылись, послѣ чего она обратила свои орудія на двѣ непріятельскія

тельскія батареи, подъ фланговый перекрестный огонь которых попала.

Отбивъ первую атаку роты 1-го и 2-го баталіоновъ готовились къ отраженію второй. Началась разборка въ рядахъ и собираніе патроновъ, которыхъ оставалось не больше 4—5 штукъ на ружье. Едвали можно было винить солдата, имѣвшаго на рукахъ 60 патроновъ, въ неразсчетливомъ расходѣ таковыхъ, ибо это былъ первый бой и притомъ продолжительный, въ которомъ трудно было солдату, при отсутствіи какого бы то ни было опыта, правильно соразмѣрить расходъ патроновъ съ ожидаемой потребностью ихъ. Пополненія же патроновъ изъ полкового обоза не было по винѣ завѣдывающаго оружіемъ, который, вѣхавъ съ ящиками въ д. Гривицу, гдѣ-то затерялся и патроновъ къ полку не подвезъ. По окончаніи же боя патронные ящики оказались на лицо. Въ виду ожидаемой вторичной атаки непріятеля, немѣние патроновъ ставило обороняющагося въ затруднительное положеніе и слово „нѣтъ патроновъ“ подавляющимъ образомъ отражалось на разбитыхъ нервахъ, но вскорѣ неописанная радость подняла снова упавшій духъ утомленныхъ бойцовъ,—былъ найденъ способъ замѣнить наши патроны турецкими, и это открытіе всецѣло принадлежало сметкѣ нѣкоторыхъ солдатъ, успѣвшихъ во время первой атаки сдѣлать опыты стрѣльбы изъ ружья „крынка“ патронами „Пибоди“. Надлежало лишь, зарядивъ ружье, два раза спустить ударникъ (боекъ), послѣ чего въ третій разъ происходилъ уже выстрѣлъ. Скоро все солдаты приспособились къ объявленному имъ способу пользованія непріятельскими патронами и, сдѣлавъ запасъ таковыхъ, готовы были снова встрѣтить ожидаемую атаку. Нельзя не отмѣтить того отраднаго факта, что въ строю остались нѣкоторые раненые офицеры, продолжая руководить дѣйствіями подчиненныхъ (подпоручики Демченко, Косенко и др.). Спустя полъ-часа непріятель началъ опять наступать, укрываясь въ складахъ мѣстности, но уже прежней рѣшимости не замѣчалось. Батареи турецкія, стрѣлявшія все время, какъ выше сказано, перекрестнымъ огнемъ, замолчали съ приближеніемъ наступающаго на разстояніе 500—600 шаговъ. Подпустивъ турокъ еще ближе, роты открыли рѣдкіе залпы, перешедшіе вскорѣ въ безпорядочную трескотню.

Скорость заряданія затруднялась выбрасываніемъ гильзъ, ко-

торыя послѣ выстрѣла раздувались и давали трещины. Турки, подбодряемые своими офицерами, прибѣгавшими даже къ внушительнымъ пріемамъ, неохотно, лѣниво двигались; наконецъ, остановились и, заметавшись на мѣстѣ, повернули назадъ, оставивъ на пути своего отступленія много труповъ. Вскорѣ послѣ сего маіоръ Кебрихи поднялъ свои роты и устремился преслѣдовать отступавшаго въ городъ непріятели. Но не дойдя полуверсты до Плевны, онъ остановился, увидѣвъ, что на ближайшихъ за городомъ высотахъ группируются свѣжіе турецкіе баталіоны и передвигаются батареи. На улицахъ города замѣчалась суета, проходившая отъ скопленія обозовъ, людей и животныхъ. И здѣсь только, у окраины Плевны прошелъ тотъ пылъ увлеченія „не опоздать“, который, такъ сказать, гвоздемъ сидѣлъ въ головѣ каждаго съ минуты выступленія изъ д. Сгалунца. Стало ясно, что произошла какая-то печальная случайность, такъ какъ Сѣвернаго отряда было не видно. Впослѣдствіи оказалось, что отрядъ этотъ, начавшій бой съ разсвѣтомъ и отбросившій первоначально непріятели въ смежную съ городомъ котловину, вынужденъ былъ въ исходѣ десятаго часа отступитъ, будучи подавленъ несоразмѣрно большими силами врага. Было около 12 часовъ дня. Стрѣльба съ обѣихъ сторонъ прекратилась. Видя безуспѣшность дальнѣйшаго боя, командиръ батареи приказалъ отступать. Съ большимъ сожалѣніемъ полкъ покидалъ занятые потомъ и кровью позиціи. Будь свѣжіи баталіонъ и появивъ со стороны „Радишево“ казачья бригада, то участь Плевны была-бы рѣшена.

Послѣ пройденнаго полуверстнаго пространства назадъ, непріатель началъ преслѣдовать рѣдкимъ орудійнымъ огнемъ; пѣхота же его оставалась неподвижной. Пришлось принять при отступленіи нѣсколько новое направленіе на верховья Буковлекскаго ручья, имѣя цѣлю сближеніе съ д. Вербица, гдѣ по расчету долженъ былъ находиться Сѣверный отрядъ. Выйдя изъ сферы орудійныхъ выстрѣловъ, полкъ остановился на привалѣ у опушки лѣса, что къ сѣверу отъ шоссе, гдѣ и простоялъ до 3-хъ часовъ дня.— Оставляя на время утомленный полкъ, приступаю къ краткому очерку тыла его во время боя. На томъ, приблизительно, мѣстѣ, гдѣ началъ разворачиваться головной баталіонъ, расположился перевязочный пунктъ въ составѣ двухъ лазаретныхъ линеекъ и двухъ врачей съ 5 фельдшерами (въ полуверстѣ отъ д. Гривница).

Въ началѣ 8-го часа начали уже прибывать раненые на перевязку: нѣкоторыхъ несли санитары, другіе сами шли, помогая другъ другу. Врачи усердно приступили къ своей трудной работѣ, сдѣлавшейся вскорѣ невозможной, такъ какъ число раненыхъ постепенно увеличивалось; приходилось врачамъ оказывать свою помощь наиболѣе нуждающимся, предоставляя остальныхъ заботѣ фельдшеровъ; между тѣмъ раненые все прибывали, дополняя преувеличенные рассказы своихъ предыдущихъ сотоварищей объ ужасахъ боя. Въ началѣ 12-го часа на перевязочномъ пунктѣ скопилось уже около 400 человекъ раненыхъ нижнихъ чиновъ и до 10 человекъ офицеровъ. Пульные раны, за исключеніемъ ожоговъ, были почти всѣ на вылетъ и большая часть ихъ приходилась въ среднюю часть тѣла отъ колѣнъ до груди. Раны же осколками орудійныхъ снарядовъ замѣчались въ верхней части тѣла, исключительно въ голову и плечи. Неприглядная, тяжелая картина глухого стога, крови и мольбы о помощи — все расширялась и расширялась. Работы санитаровъ почти не стало видно; вѣроятно многіе изъ нихъ (6 человекъ на роту) были переранены или убиты; вслѣдствіе чего чаще и чаще встрѣчались солдаты изъ строя, принося раненыхъ и возвращаясь затѣмъ обратно. Въ началѣ перваго часа распространилась на перевязочномъ пунктѣ паника, что полкъ разбитъ и неприятель наступаетъ. Раненые встревожились и много потребовалось усилій успокоить ихъ. Въ числѣ ободрившихъ былъ и полковой священникъ отецъ Іоаннъ, который незадолго передъ этимъ возвратился съ поля сраженія, гдѣ напутствовалъ умиравшихъ. Лежавшій на носилкахъ майоръ Гринцевичъ, подозвавъ къ себѣ офицера, завѣдывавшаго перевязочнымъ пунктомъ, приказалъ послать просьбу въ Кавказскую казачью бригаду о присылкѣ прикрытія. Бригада эта, стоявшая въ началѣ боя на смежной высотѣ къ Юго-Востоку отъ перевязочнаго пункта и затѣмъ вскорѣ куда-то передвинувшаяся, оказалась къ описанному времени снова на прежнемъ мѣстѣ, производя какіе-то маневры. По облаку пыли видно было, что бригада рысью отходила назадъ. Написанную наскоро означеннымъ офицеромъ записку о присылкѣ прикрытія вызвались доставить по назначенію полковой казначей подпоручикъ Шверня и полковой квартирмейстеръ поручикъ Савватѣевъ 2-й. вмѣстѣ съ тѣмъ, не рассчитывая на скорую присылку прикрытія, перевязочный пунктъ, сформировавъ собственное прикрытіе изъ деньщи-

ковъ, слабосильныхъ и легко раненыхъ, началъ медленно отсутствовать и останавливаться для перевозокъ у попадавшихся на пути источниковъ съ водой. Вызванные изъ д. Гривница болгары съ вьючными животными оказали большія услуги по перевозкѣ и переноскѣ на себѣ раненыхъ, многимъ изъ которыхъ пришлось, однако, идти пѣшкомъ и притомъ съ ружьями. По прошествіи больше чѣмъ полчаса со времени отправленія вышеозначенной записки, показалась вправо спускавшаяся съ высоты одна сотня Кавказцевъ и, выйдя на путь отступленія перевязочнаго пункта, остановилась, поджидая приближенія сего послѣдняго къ себѣ. Бравый сотенный командиръ подъѣхалъ къ офицеру, подписавшему записку и сказалъ, что съ сотней своей онъ лоскомъ готовъ лечь для защиты раненыхъ, но одной сотни недостаточно. и потому необходимо, чтобы вся бригада прибыла сюда. Хотя непріятель и не видно было нигдѣ вокругъ и выстрѣловъ не слышно, но подъ впечатлѣніемъ предложеннаго только что совѣта, тотъ же офицеръ написалъ карандашомъ на почтовомъ конвертѣ и вторую записку на имя командира казачьей бригады слѣдующаго, приблизительно, содержанія: „присланной сотни недостаточно; прошу прибыть съ бригадой отстоять наше отступленіе“. Записка эта съ вызванными изъ строя 2-ми казаками, на лучшихъ коняхъ, была отправлена по назначенію. Отступленіе раненыхъ продолжалось по дорогѣ на д. Турскій Трестяникъ. Но вотъ, замѣтно стало, что удалявшійся передъ этимъ въ сторону нашего отступленія, столбъ пыли, началъ приближаться и вскорѣ показалась красивая, стройная казачья бригада на взмыленныхъ отъ зноя и маневровъ коняхъ. Командиръ ея, отдѣлившись впередъ, подъѣхалъ къ офицеру, отъ котораго были имъ получены записки и заявилъ, что онъ прибылъ отстоять отступленіе, и что обѣ записки будутъ имѣть значеніе документовъ при описаніи дѣйствія бригады. Вскорѣ бригада лихо развернулась на ближайшей влѣво возвышенности, принявъ оборонительное положеніе. Орудія стали фронтомъ къ д. Гривница.

Сколько времени занимала казачья бригада оборонительную позицію, точно неизвѣстно, но суждая по нѣкоторымъ даннымъ — недолго, такъ какъ полковникъ Сѣдлецкій, остановивъ полкъ на привалѣ у опушки лѣса, послалъ офицера къ командиру означенной бригады, какъ старшему въ чинѣ просить указацій для бу-

душихъ дѣйствій, послѣ чего, спустя часъ, бригада эта и присоединилась къ полку. Перевязочный пунктъ, продолжая отступление, встрѣтилъ на пути разгруженные повозки полкового обоза, высланныя завѣдующимъ хозяйствомъ полка для перевозки раненыхъ. Нужно замѣтить, что весь обозъ въ началѣ 12-го часа передвинулся изъ д. Сгалунца и сталъ на дорогѣ изъ д. Гривица въ д. Турскій Трестяникъ. Около 4½ часовъ пополудни раненые начали подходить къ стоявшему вагенбургомъ обозу полка и 13 летучаго парка. Нельзя умолчать объ одномъ весьма интересномъ фактѣ, имѣвшемъ мѣсто въ районѣ вагенбурга. Въ то время, когда еще не успѣли подтянуться отставшіе раненые, а вагенбургъ готовился на случай обороны, проходили вблизи его 2 казачьихъ сотни, конвоируя около 10 повозокъ. Увидя ихъ, командиръ 13-го артиллерійскаго парка полковникъ Пѣшковъ послалъ 2-хъ офицеровъ поручиковъ: К. и П. съ приказаніемъ, чтобы казачій дивизионъ остался при вагенбургѣ, но несмотря на повторенное приказаніе сотни не остались; при чемъ старшій изъ командировъ ихъ объявилъ категорически такъ: „доложите командиру парка, что командиръ 2-й сотни Терскаго войска получилъ особое приказаніе отъ своего прямого начальника, и потому ничьихъ болѣе приказаній исполнять не можетъ“. Непонятно, что было особенно цѣннаго въ десяткѣ повозокъ, для прикрытія которыхъ потребовалось вырвать изъ строя шестую часть боевого состава бригады.

Парковый командиръ, видя безуспѣшность своихъ распоряженій, велѣлъ парку запрягать лошадей и двинулся вслѣдъ за казаками. Подобравъ раненыхъ и оружіе на повозки, обозъ полка около 6-ти часовъ вечера тронулся по дорогѣ на д. Турскій Трестяникъ, гдѣ и остановился для ночлега. Возвращаясь къ тому времени, когда на привалѣ къ полку прибыла около 2-хъ часовъ по-полудни казачья бригада, остается сказать, что офицеры полка во главѣ съ командующимъ полкомъ просили командира казачьей бригады разрѣшить вернуться къ Гривицкому оврагу взять ранцы или же послать за ними казаковъ, но просимаго разрѣшенія не послѣдовало; между тѣмъ крайне необходимо было взять для 6-ти ротъ, хотя-бы шинели, безъ которыхъ впоследствии этимъ ротамъ пришлось сильно бѣдствовать. Въ 3 часа по-полудни отрядъ двинулся къ д. Сгалунца, откуда послѣ непродолжительнаго отдыха, направился къ д. Турскій Трестяникъ, куда и прибылъ

въ 9 ч. вечера. Начались взаимные разспросы о событіяхъ истекшаго дня. Но постепенно начинало проходить возбужденное состояніе и бивакъ сталъ утихать. Наступила дождливая, холодная, темная ночь и прикрыла все. По прежнему лишь тревожили большой слухъ, стоны раненыхъ, изъ которыхъ многимъ не пришлось увидѣть утра,—въ лихорадочной дрожи, ни чѣмъ не прикрытые, они окоченѣли. Въ полдень 9 іюля были приведены въ извѣстность потери, при чемъ оказалось: въ 13 ротяхъ, участвовавшихъ въ бою, убыло изъ строя болѣе 900 человекъ нижнихъ чиновъ и 23 офицера; въ батареѣ до 20 нижнихъ чиновъ и 2 офицера. Въ казачьей бригадѣ потерь никакихъ не было.

Не вдаваясь въ разборъ тактическихъ ошибокъ, присущихъ впрочемъ всякому бою, нельзя умолчать о томъ, что поведеніе полка въ вышесказанномъ дѣлѣ должно стоять внѣ всякаго упрека, такъ какъ объ этомъ свидѣлствуютъ и цифры понесенныхъ потерь и отзывъ самого врага, похвала котораго не можетъ не считаться безпристрастной аттестаціей. Въ дополненіе къ вышеуказаннымъ выдержкамъ изъ сочиненія офицера Генеральнаго Штаба Турецкой службы Таль-Эта, привожу еще одну послѣднюю выдержку: „что касается дѣйствій Костромскаго полка, то таковыя заслуживаютъ высокой похвалы за неимовѣрную храбрость и стойкость, съ которыми полкъ этотъ сражался въ продолженіе 4-хъ часовъ...“ и т. д. (стр. 22).—Просматривая далекое прошлое изъ исторіи Костромскаго полка, невольно приходишь къ выводу, что полкъ этотъ началъ свою жизнь не подъ счастливою звѣздою. Сдѣлавъ 12 кампаній и побывавъ въ 80 сраженіяхъ и стычкахъ, онъ каждый разъ въ короткій періодъ войны несъ огромныя потери, мѣняя нѣсколько разъ заново свой составъ и вдобавокъ при неблагоприятныхъ условіяхъ, либо онъ участвовалъ въ такихъ сраженіяхъ, которыя оканчивались, хотя и въ пользу нашего оружія, но лавры побѣды дробились, такъ сказать, между всеми частями и не подчеркивались особо заслуги полка, на долю котораго выпадали и отвѣтственная роль и большія потери; либо находился въ такихъ сраженіяхъ, которыя не считались удачными, и тогда, уже понятно, вовсе проходили безслѣдно подвиги его.

Примѣры сему: „Русдукъ—22 іюля 1810 года, Голоминъ—14 декабря 1806 г., Кенигсвартъ и Бауценъ—7-го и 9-го мая 1813 г., Шато-Тьерри и Монмираль—30 и 31 января 1814 года.

Черная рѣчка—4-го августа 1855 г., Гофъ—25 января 1807 г. и т. п.“. Въ указанныхъ сраженіяхъ потери полка были весьма значительны, такъ напримѣръ, подъ Рушукомъ осталось въ полку послѣ штурма этой крѣпости: офицеровъ—5, унтеръ-офицеровъ—16 и строевыхъ рядовыхъ—141. Вѣдь для того, чтобы быть способнымъ на подвигъ, нужно имѣть рѣшимость и умереть. Въ этомъ же отношеніи, какъ видно упрека не могло быть, но Рушукъ не былъ взятъ въ тотъ день, и проявленная полкомъ львиная сила у стѣнъ неприступной въ то время крѣпости пропала безслѣдно. Послѣ сраженія при Шато-Тьеры и Монмираль 30 и 31 января 1814 г. осталось въ строю: офицеровъ—8 человекъ, и нижнихъ чиновъ до 150 человекъ. Въ аррьергардныхъ дѣлахъ съ 23 по 26 января 1807 г. у Янова и при Гофѣ полкъ потерялъ около 500 человекъ изъ своего неполнаго въ то время состава; причемъ о стойкости полка при Гофѣ свидѣтельствовалъ извѣстный своимъ безпристрастіемъ Барклай-де-Толли, который, судя по его донесеніямъ, видѣлъ лично картину боя, когда Костромской полкъ, стоявшій сначала въ резервѣ, очутился въ первой линіи, по случаю отступленія передовыхъ войскъ и былъ атакованъ конницей Мюрата, ворвавшейся на плечахъ нашего Ольвіопольскаго уланскаго полка въ каре баталіоновъ. Дословно приводимыя слова означеннаго военачальника были слѣдующаго содержанія: „Я имѣлъ прискорбіе видѣть гибель сихъ храбрыхъ безподобныхъ баталіоновъ“. Багратионъ иначе не называлъ Костромской полкъ, какъ „мой несравненный полкъ“. Цифры потерь при Голоминѣ, Кенигсвартѣ, Бауценѣ, Черной рѣчкѣ и другихъ пунктахъ краснорѣчиво говорятъ о томъ, что Костромской полкъ былъ вѣренъ своему долгу.

По прежнему неудачникомъ полкъ оказался и въ последнюю Турецкую кампанію, ибо погибшій на первомъ полѣ сраженія храбрый командиръ не успѣлъ засвидѣтельствовать о доблести полка, а безмолвныя Плевненскія высоты, облитыя кровью Костромцовъ, также не рассказали правдивую повѣсть былого.